

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. <I>

Anatole France. Les sept femmes de la Barbe-Bleue et autres contes merveilleux. Ed. Calmann-Lévy.

André Gide. La Porte étroite. Roman. Ed. Mercure de France.

Стареющий Анатоль Франс мало отличается от молодого Франса. Сквозь его лицо, некрасивое и непропорциональное в юные годы, проступают все больше благородные и грустные черты лица Дон-Кихота — седящего латинского рыцаря. Те, кому дана мудрость ума, и в юности мыслят старчески-спокойно, и в старости сохраняют юношескую гибкость мысли. Если любовь к отвлечениям заслоняет в молодые годы для таких умов часть жизни, то, будучи изведена до конца, она становится любовью к милым ее подробностям. Поэтому в старости они покидают иногда свои башни слоновой кости, чтобы принять участие и в земном устройстве. Поэтому черты Дон-Кихота подобают им. Но действие, точно так же как и то, что соответствует ему в области литературной — выдумка, не свойственно им. Франс всегда признавался, что страдает отсутствием выдумки. Сила их творчества основана на понимании. Имена и эпитеты для них важнее глаголов.

Что делать с громоздкими и сырыми фактами новых ситуаций им, живущим утончениями пережитого? Новой и редкой комбинации событий они всегда предпочтут, как исходную тему, какое-нибудь классическое положение, много раз уже разработанное рассказчиками, простое и общеизвестное, как евангельская притча. Они прекрасно сознают, что те эпохи искусства, когда господствуют свобода выдумки и произвол в выборе тем, являются эпохами творческими и варварскими, между тем как утончение и углубление возможны лишь там, где основа дана заранее, там, где не нужно, прежде чем приступить к работе, изобретать самый материал и инструменты для обработки его. События и действия во всех романах Франса, начиная с Сильвестра Боннара и кончая господином Бержере,¹ крайне несложны; но даже эта

упрошенность, видимо, утомляет его несвойственным ему напряжением фантазии. Поэтому он любит писать свои рассказы «на полях старых книг» — четкое определение, принадлежащее Жюлю Лемэтру, непохожему близнецу А. Франса во французской литературе. Так Лемэтр назвал несколько книг своих рассказов, написанных на полях Библии, Гомера и Четырех Миней («Aux marges des vieux livres»; из них в России известны лишь те, что написаны на полях Евангелия и притом в неверных претворениях А. Амфитеатрова²). В этих книгах капризному и дерзкому уму критика-субъективиста, столь схожему с умом французской школьницы Клодины,³ нравилось рисовать вольные карикатуры на полях серьезного текста священных книг. В эти непочтительные карикатуры вложена масса вкуса, культуры, ума и такта. А. Франс не склонен к этому типу легкомыслия; но, взяв любую книгу его рассказов, мы увидим, что «Источник Св. Клары» написан на полях «Fioretti» Св. Франциска,⁴ и что под рассказами «Clio», «Balthazar», «L'Etui de Nacre»⁵ сквозят стихи Илиады, тексты Евангелия, повествования Лас-Казаса⁶ и страницы средневековых хроник. У Ан. Франса всегда были склонности историка. Он не любит сочинять. Он любит пересказывать и дополнять.

Такова последняя его книга «Les sept femmes de la Barbe-Blanche», написанная на полях сказок Перро. Как моралист и историк, А. Франс интересуется теми метаморфозами, которым *слухи* подвергают первоначальное событие. Как те еретики первых веков, которых увлекла мысль о реабилитации Каина, Люцифера, Иуды и других отрицательных персонажей Ветхого и Нового Завета, так и Анатолий Франс ищет оправдательных документов для различных исторических лиц, оклеветанных литературой. С той же иронией, опирающейся на знание механизма Молвы, с какой он в рассказе «Putois»⁷ низвел возникновение мифа до простой провинциальной сплетни, он доказывает, что король Макбет был на самом деле мудрым и справедливым правителем, который никогда не убивал короля Дункана,⁸ а что Синяя Борода был добрым и честным дворянином XVII века, семь раз неудачно женатым,

очень пострадавшим от неуживчивого и сварливого характера своих жен и, наконец, предательски убитым братьями и любовником своей жены.⁹ Другие рассказы, написанные на полях Перро, повествуют о судьбе одного министра при дворе родителей Спящей Царевны, заснувшего вместе с нею, но тем не менее отрицавшего существование фей, и дают новый вариант о рубашке счастливого человека, приноровленный к нравам нашего времени.¹⁰

Но А. Франс еще обаятельнее, когда он рассказывает не о современности, а о средневековье. Ему нравится замыкаться в этот мир, такой тесный, такой уютный, со своим адом, чистилищем, землей и двенадцатью небесами, сравнительно с этим безмерно широким миром, раскрывшимся для современной мысли, которая всю звездную вселенную с миллиардами ее солнц может себе представить в виде одной капли крови какого-нибудь крошечного насекомого, возникшего в непознаваемом нам мире, как это делает А. Франс на первых страницах «Сада Эпикура».¹¹ Подробности, сообщаемые им о чуде Великого Святого Николая¹², пленяют больше всего в последней его книге. Св. Николай совершил чудо, не упомянутое в Житиях святых, но запечатленное в народной песне: он воскресил трех мальчиков, которых злой трактирщик разрезал на куски и посолил как свинину в бочке. Воскрешенные мальчишки оказались проклятием жизни св. Николая. После буйного детства один стал воином-грабителем, бесчинствовал в том городе, где епископствовал св. Николай, и лишил невинности его племянницу, Миранду; другой стал ростовщиком и описал все церковное имущество; третий прошел через все среси и произвел такие смуты в стране, что св. Николай был лишен епископства и изгнан. Он удалился в пустыню и там встретил того самого злого трактирщика, который когда-то посолил трех мальчишек, но после их воскрешения раскаялся, ушел в пустыню, спасался и жил там, радостный и счастливый. Они поселились рядом и стали спасаться вместе, удивляясь неисповедимости путей Божьих, столь различными дорогами ведущих души человеческие к спасению.

Это же самое удивление остается от последнего романа Андрэ Жида «*La porte étroite*». Каким человеческим, уютным и безопасным кажется это средневековье А. Франса с его адом, кострами, ересями и насилиями, если сравнить его с протестантской строгостью морали в той современной весьма банальной семье, описанной Жидом, где отроки и девушки, читающие Бодлэра, Суинберна, Фому Кемпийского и Паскаля, тоже стремятся к спасению души, с холодной и жестокой страстностью истребляя в своих сердцах наивные и чистые ростки детской любви. Они сами создают непреодолимые препятствия для своего счастья, и души их увядают в трагическом бесплодии. Весь роман Жида выдержан в прямых, очень сухих и скучноватых линиях, подобающих его теме, и лишний раз утверждает старую истину, что из всех видов эгоизма наиболее сухой и бесплодный тот, который стремится к самоусовершенствованию и спасению души.

И книга А. Франса и роман А. Жида, представляя интересное литературное явление последних месяцев, на наш взгляд, не стоят в ряду ни самых лучших, ни самых характерных книг этих авторов, и в смысле художественной значительности драматическая сцена А. Жида «*Bethsabée*» появившаяся в январско-мартовском выпуске «*Vers et prose*»,¹³ представляет больший интерес.